

— Владычица, наставница Чэнь спасла старшую сестру Сюэ Ин в трудную минуту, а Лян Цзинь спасла мне жизнь. Я не могу отплатить им, но теперь наставница Чэнь тяжело ранена. Наш дворец всегда придерживается принципа воздаяния за добро и зло, и мы обязаны вернуть этот долг. Пожалуйста, вмешайтесь и спасите её, чтобы погасить этот долг.

В глазах Янь Бухуэй мелькнуло удивление. Она знала характер Цин Шуан: кроме практики, её ничего не интересовало. Это был первый раз, когда она увидела, как та умоляет кого-то о помощи.

Она немного помолчала, сохраняя невозмутимое выражение лица. Она и сама хотела компенсировать Секте Линъюнь, но Лян Цзинь говорила слишком резко, и ей было трудно с ней примириться. Теперь, когда Цин Шуан поддержала её, она получила возможность сгладить ситуацию и, кивнув, сказала:

— Это правильно.

Услышав это, Цин Шуан слегка улыбнулась и снова повернулась к Лян Цзинь. Та, отвернувшись, выглядела неохотно подчиняющейся, но вынужденной смириться. В этот момент Цин Шуан словно снова увидела Лян Цзинь, как несколько месяцев назад в коридорах руин бессмертного, когда та была подавлена её мечом.

В её глазах появилась легкая улыбка, и она сказала:

— Владычица согласилась вмешаться. Я лично гарантирую, что она спасёт наставницу Чэнь.

Сказав это, она пристально смотрела на Лян Цзинь, её спокойные, ясные глаза излучали сильное давление. Но боль и горе в сердце Лян Цзинь немного ослабли, когда она услышала, что Цин Шуан лично гарантирует спасение.

Она сжала губы, глубоко вдохнула и, поклонившись Янь Бухуэй, сказала:

— Только что я допустила ошибку в своих словах. Пожалуйста, простите меня, владычица Янь. Умоляю вас, спасите жизнь моего наставника. Я никогда не забуду этот долг, даже если умру сто раз!

Янь Бухуэй, услышав её слова, успокоилась. Когда речь зашла о её наставнике, тон Лян Цзинь стал крайне почтительным, а последние слова о том, что она никогда не забудет этот долг, были искренними. Четыре слова «уважение к учителю и следование пути» в полной мере отражались в Лян Цзинь. У неё не было причин сердиться на ученицу, готовую умереть за своего наставника.

Она кивнула:

— Будь спокойна.

Сказав это, она достала из рукава миниатюрную пагоду, взмахнула рукой, и пагода осветила Чэнь Юй, втянув её внутрь.

Убрав пагоду, Янь Бухуэй оглядела разрушения в Секте Линъюнь, немного помолчала, а затем достала флакон с пилюлями Цзысяо и передала его Мастеру Цинъюню:

— В этом флаконе десять пилюль Цзысяо. Любой, кто ещё дышит после этой битвы, может быть спасен.

Мастер Цинъюнь, обрадовавшись, отбросил свои обиды и стал благодарить.

Кризис в Секте Линъюнь был разрешён, и цель Янь Бухуэй была достигнута. Она повернулась, чтобы уйти, но перед уходом посмотрела на Лян Цзинь и спросила:

— Откуда этот массив, запирающий душу?

Лян Цзинь уже приготовила ответ и, поклонившись, сказала:

— Он из Павильона мечей Линъюнь, переданного основателем Лин Фэнхуа.

Янь Бухуэй ненадолго задержала на ней взгляд, а затем повернулась:

— Шуан, пойдем со мной во дворец.

Цин Шуан вздохнула. Владычица слишком долго не вмешивалась в мирские дела, оставляя многие вопросы на усмотрение своих учеников. Находясь на такой высоте, она редко обращала внимание на кого-то или что-то. Сегодня она пришла в Секту Линъюнь только по просьбе Цин Шуан, иначе она бы не появилась лично, а послала бы высокоуровневого заклинателя этапа Изначального Младенца, и ей не пришлось бы терпеть дерзкие слова Лян Цзинь.

Её величие и гордость культивировались сотни лет, и, вероятно, только Лян Цзинь осмелилась бы так вести себя. Она не могла понять гнев и боль Секты Линъюнь, которая, будучи слабой стороной, едва не была уничтожена из-за её решения, но не могла выразить свои чувства.

Именно потому, что Цин Шуан была бесчувственной и бессердечной, она могла видеть ситуацию со стороны. Она не защищала Дворец Цзысяо, но и не позволяла Лян Цзинь слишком разойтись. Таков был её стиль.

— Ущерб, понесённый вашей сектой сегодня, будет компенсирован Дворцом Цзысяо. Материалы для восстановления разрушенных зданий и лечения раненых будут доставлены в течение трёх дней, чтобы возместить нашу сегодняшнюю ошибку.

Сказав это, она поклонилась Мастеру Цинъюню как младшая и направилась к Янь Бухуэй.

Лян Цзинь и Мастер Цинъюнь, услышав это, замерли. Они думали, что всё закончится ничем. Дворец Цзысяо был могущественным, и, хотя они чувствовали себя обиженными и подавленными, они не могли сопротивляться, так как их силы были недостаточны. Они уже смирились с судьбой.

Но они не ожидали, что Цин Шуан вдруг предложит компенсацию.

Янь Бухуэй, стоявшая чуть поодаль, также удивленно моргнула, но, видя серьёзность Цин Шуан, немного подумала и не стала возражать.

Перед уходом Цин Шуан оглянулась на Лян Цзинь. Та стояла молча, со сложным выражением лица, её ясные глаза теперь казались тусклыми, скрывая глубоко внутри боль и нежелание смириться.

Боль от собственной слабости, печаль от невозможности что-то изменить, от необходимости пассивно принимать всё, что происходит.

Хотя они мало общались, она могла видеть, что Лян Цзинь была человеком с прямым характером, возвращающим добро в сто крат и мстящим за зло в сто крат. Она жила по своим

чувствам и высоко ценила преданность.

Владычица как-то сказала, что для достижения этапа преобразования духа нужно преодолеть испытание чувствами. Возможно, именно из-за этой черты Лян Цзинь, которой она сама никогда не обладала, она не хотела становиться её врагом. В Лян Цзинь она видела человека, полностью отдающегося своим чувствам, с её радостью и печалью, любовью и ненавистью.

С тех пор как она встретила Лян Цзинь в руинах бессмертного, она часто думала: если бы её жизненная душа не была повреждена, была ли бы она такой же, как Лян Цзинь, с чётким разделением на любовь и ненависть.

К сожалению, на этот вопрос она так и не смогла найти ответ.

— Шуан?

Увидев, что Цин Шуан долго не двигается, Янь Бухуэй с легким недоумением позвала её.

Цин Шуан молчала некоторое время, а затем достала из-за пазухи кусок духовного нефрита передачи звука.

— Этот нефрит передачи звука можно использовать ещё раз.

Сказав это, она взмахнула рукой, и кусок нефрита полетел в сторону Лян Цзинь.

Лян Цзинь поймала его, ощутив теплоту, словно на нём осталось тепло тела Цин Шуан.

— Ты не только спасла мне жизнь, но и подарила драгоценность. Я не знаю, как отплатить тебе, поэтому обещаю выполнить одно твоё желание. Даже если это будет связано с огромными трудностями, я сделаю это, если только это не будет злом и не нарушит моих принципов.

Она сделала паузу, а затем добавила:

— После этого наш долг будет погашен.

Лян Цзинь стояла в оцепенении, пока Янь Бухуэй, развевающаяся в своих одеждах, не унесла Цин Шуан в небо. Она не могла прийти в себя.

Через некоторое время Мастер Цинъюнь легонько похлопал её по плечу, вернув её к реальности.

— Шуан — хорошая девушка. Раз она поручилась, а владычица Янь лично вмешалась, думаю, с Юй всё будет в порядке.

Его голос звучал легко, но Лян Цзинь чувствовала, что в его сердце скрывалась обида, которую он не мог выразить.

Цин Шуан хорошо справилась с последствиями сегодняшних событий, и обида Мастера Цинъюня была не из-за её предложения о компенсации, а из-за того, что он ясно увидел разницу между сильными и слабыми. Сильные могли решать жизнь и смерть одним словом, а слабые могли только пассивно принимать это.

Лян Цзинь молчала. Хотя она и сказала, что запомнит помощь Янь Бухуэй в спасении Чэнь Юй, это не означало, что она не обращала внимания на огромные потери, вызванные решением Янь

Бухуэй, на унижения и раны, полученные Сектой Линъюнь, её наставником и ею самой.

Если бы не Цин Шуан, которая уладила ситуацию, она бы обязательно запомнила сегодняшние обиды и унижения. Если бы Янь Бухуэй спасла её наставника, она могла бы больше не обращать на это внимания, но если бы Янь Бухуэй снова нарушила своё слово, то, как только она достигнет достаточного уровня силы, она обязательно отправится в Дворец Цзысяо, чтобы потребовать расплаты!

Лян Цзинь пошатнулась. Её тело больше не могло выдерживать нагрузку, а беспокойство за Чэнь Юй довело её до предела. Она держалась только благодаря силе воли, и теперь, когда кризис в Секте Линъюнь был разрешён, она расслабилась и потеряла сознание.

На обратном пути в Дворец Цзысяо Янь Бухуэй, до сих пор молчавшая, вдруг заговорила:

— Как ты считаешь, какая Лян Цзинь?

Её глаза, всегда полные достоинства, теперь выражали легкое раздумье.

— Преданная, с чётким разделением на любовь и ненависть, самоуверенная, невероятно талантливая.

Цин Шуан ответила без раздумий. Шестнадцать слов, точных и безошибочных.

Сегодня, снова увидев Лян Цзинь, даже Цин Шуан, с её высокими стандартами, была удивлена. Всего за несколько месяцев та прорвалась через четыре уровня и достигла девятого уровня этапа закладки основания. Она несколько раз спасала ситуацию в одиночку, и в конце Цин Шуан даже почувствовала, что, даже если бы Янь Бухуэй не вмешалась, Лян Цзинь могла бы спасти положение сама, хотя неизвестно, какую цену она бы заплатила.

Лян Цзинь росла слишком быстро, и это казалось Цин Шуан нереальным.

Янь Бухуэй посмотрела на неё, видя, что её выражение лица оставалось спокойным, как всегда.

Она немного подумала, а затем неожиданно спросила:

<http://bllate.org/book/16682/1531297>